

ДВА РАССКАЗА

ТО, ЧТО ДОКТОР ПРОПИСАЛ

Летайте самолетами

– Радость моя, – сказала Мира, – мне пора ехать домой. Родители, наверно, с ума сходят.

– Конечно, – сказал Рыжий.

Он попытался понять, почему его так тянуло к ней еще недавно – во время летних каникул.

Отчуждение ощущалось вполне. Внутренне он находился уже не здесь, хотя еще не в далеком городе, куда нужно было добираться через столицу, сначала самолетом, потом поездом.

– Позвони мне как только доедешь, – попросила Мира.

Переступая через тюки, чемоданы и спящих людей, они вышли из здания аэропорта.

Остановили такси.

«Словно вырвалась на свободу, – подумал Рыжий, вытирая с губ остаток Мириной помады. – Духота, запах пота – не ее стиль. Одна блузка на ней дорожке всех моих тряпок».

Он разговорился со старичком, провожавшим длинноногую желтоволосую девочку, которая сидела на полу, облокотившись на неподъемный с виду рюкзак.

– Не могу ждать, – жаловался старичок. – Как я доберусь, если не успею на автобус?

– Поезжайте, – сказал Рыжий, – я ей помогу.

– Танечка, – позвал старичок, – молодой человек за тобой присмотрит.

– Не надо за мной смотреть, уезжайте – и все, – сказала Танечка.

– Племянница. На даче у меня гостила, – шепотом сообщил старичок. – Как я с ней намучался...

Рейс опять отложили, теперь – до утра.

– Пойдем в зал для иностранцев, – предложила Таня, – там удобнее.

Рыжему подобная мысль и в голову прийти не могла.

– Нас не пустят.

– Скажу что-нибудь по-французски, я на иньязе учусь.

Никто у них ничего не спросил. Таня вошла нахально, будто так и надо, Рыжий постарался не отставать.

В зале для иностранцев было чисто, свободно и пахло не потом, а мятой и карамелью.

Устроились в мягких креслах.

– Девочка тебя провожала красивая, как Юдифь, – сказала Таня.

– Да, – согласился Рыжий.

– Твоя девочка?

- Теперь не знаю, меня целый семестр не будет.
- Где ты учишься?
- В медицинском.
- А французский я знаю с детства, – сказала Таня, – бабушка научила.
- Трудно поступить на инъяз? – спросил Рыжий.
- Не очень.
- Кто твои родители?
- Папа – большой начальник, проектирует самолеты, но это секрет.

В зал вошла девушка в униформе и предложила пройти на регистрацию пассажиров нескольких отложенных рейсов – то есть улететь вне очереди на единственном сегодня самолете.

– А если у нас другой рейс, но мы очень спешим? – спросила Таня по-английски.

– Идите, – согласилась девушка.

Регистрация происходила без суеты и давки: чернокожие, арабы, полдюжины болгар, пожилая пара восточноевропейцев...

Кроме одежды, свои от чужих отличались выражением глаз. Но Таня – столичная штучка – взгляд имела нездешний, а Рыжий нацепил темные очки-капли, купленные у моряка дальнего плавания. Что же касается одежды, то, во-первых, город портовый – все от фирмачей, а во-вторых, даже иностранная публика пообмялась и поблекла за долгие часы ожидания.

Очередь продвинулась. Вместе с билетами предъявляли паспорта.

– Вы же *наши*, – удивилась женщина за стойкой, – вам сюда нельзя.

– Ну пожалуйста, – потянули хором Таня и Рыжий, – мы в институт опаздываем...

В очереди засуетились – спор приобрел международный характер. Оказалось, что иностранцы вполне понимают по-русски.

– Можно всем, – сказали чернокожие.

– Можно, у них ведь билеты, – сказали арабы.

– А почему нельзя? – заинтересовалась пара пожилых восточноевропейцев.

Болгары промолчали.

– Проходите, – решила наконец женщина за стойкой.

Прошли во внутренний зал.

– Ничего себе интерьерчик, – заметил Рыжий, – и бар, как в американском фильме. Жаль, что ночью не работает...

Подъехали к трапу.

– Группу пропустите. Раз, два, три, четыре... двадцать четыре – все.

Они оказались в самолете.

– Спать пора, спать... – сказала Таня.

Рыжий попытался опустить спинку сидения – ничего не вышло.

– Кончилась граница, – сказал он.

– Ты сядешь в нормальное кресло, а я в поломанное, – распорядилась Таня. –

Теперь откинь спинку и подлокотник.

Она свернулась, поджав ноги на своем сидении, а голову положила Рыжему на колени.

– Укрой меня кофтой, – попросила Таня.

Рыжий не удержался и поцеловал ее в губы и в закрытые глаза.

– Из аэропорта поедем к моей сестре, – сказала Таня, – это недалеко. Она уйдет на работу, а мы поедем и отдохнем. Успеешь на свой вокзал.

В столице за поездку на такси «недалеко» Рыжий заплатил треть всех денег, выданных ему родителями на первое время, но посмотрел на Таню и подумал: «Оно того стоит».

А сестра оставить их одних в квартире не решилась и на работу не ушла.

– Пойду я, – сказал Рыжий.

– И я, – сказала Таня.

Дошли до автобусной остановки.

– Будешь в городе, позвони.

Генеральская дочка

Любка оказалась на чердаке, оборудованном под квартиру, где в двух комнатках со скошенными потолками жили студенты-медики, а центральная часть служила кухней, прихожей, столовой и гостиной одновременно. Там же, из важного, находилась уборная за фанерной перегородкой.

Семнадцатилетняя Любка могла выпить сколько угодно, не отказывалась от иглы и колес, когда угощали, и спала со всеми, кроме Бенчика.

Сегодня не шумели. Катя-медсестра, приходящая жена Левы, варила макароны. Рядом на плите, в металлической коробочке, кипятился шприц.

– У нас где-то было яйцо, – вспомнил Рыжий. – Кто его съел?

Посмотрели на Бенчика.

– Это он, – догадался Лева, – когда мы уходили сдавать бутылки.

– Да, я сделал себе яичницу, – живот Бенчика колыхнулся между спортивными рейтузами и короткой футболкой. – Я раб своего желудка.

– Нехорошо, – сказал врач-интерн Сеня, хотя ему-то до яйца не было никакого дела: он жил не здесь и питался прилично, – оно же общее.

Бенчик понял, что над ним издеваются.

– Тебе и Любка не дает из-за твоего антиобщественного поведения, – отметил Зорик.

Любка заерзала у него на коленях. Она была в вечернем платье, в котором неделю тому назад не вернулась домой с гулянки.

– Сходила бы белье сменить, родителей успокоить, – предложил Рыжий.

– А пошли они...

– У нас разный социальный статус, – заявил Бенчик. – Она блядь, а я интеллигент во втором поколении.

Любка заплакала и ушла в спальню.

– У нее папа генерал-майор, о каком статусе ты говоришь? – Лева прихватил шприц и пошел за Любкой.

– Она же себе стирает, – сказала Катя. – Вон висит на батарее.

– Я знаю наизусть триста стихотворений Пастернака, – настаивал Бенчик.

– Почитай, – попросила Катя.

Он ломаться не стал:

Не как люди, не еженедельно,
Не всегда, в столетье раза два
Я молил тебя: членораздельно...

Появился Лева.

– Все, – ответил он на вопрошающие взгляды, – у меня ничего не осталось.

– Бенчик, – позвала Любка, – иди ко мне.

– Иди, – сказал Зорик, – пора с этим кончать – с девственностью твоей, я имею в виду.

– Не пойду, я ей не верю...

- Иди, – сказал врач-интерн, – если что – вылечу... Гнали б вы ее, – посоветовал он, глядя вослед Бенчику. – Надоело вас лечить.
  - Рыжий ее привел, пусть и уводит, – предложил Лева.
  - Не хочу я грубить женщине, с которой живу, – сказал Рыжий, – но иначе она не уйдет.
  - А папа-генерал подал в розыск, – сообщила Катя.
- Из спальни выскочила Любка.
- Ой, не могу я с этой жирной свиньей... – и засмеялась.
- Вышел Бенчик, взлохмаченный, покрасневшийся.
- Пусть убирается, она здесь не живет.

После ужина Катя забрала коробочку со шприцем и ушла домой. Лева проводил ее и вернулся – Катины родители его и на порог не пускали. А поздно вечером все, кроме Любки, отправились на переговорный пункт. Сеня принес телефонистке шоколадку. Он первым получил разговор и минут через двадцать ушел.

– Мама, – кричал Бенчик в телефонную трубку, – пришли мне другие трусы, мои совсем порвались.

К часу ночи переговорили.

Возле дома стояла милицейская машина.

– За Любкой приехали, – предположил Рыжий.

– У меня все равно ничего не осталось, – сказал Лева.

– Повезло, – отозвался Зорик.

– Зайдем или нет? – спросил Бенчик. – Не ночевать же на улице в тридцатиградусный мороз...

Сука Альма и лаванда

Сеня, врач-интерн, будущий специалист по кожно-венерическим заболеваниям, снимал шестиметровую комнату в старом деревянном доме.

Раньше он жил по соседству, на чердаке, разгороженном фанерой на несколько комнатушек, с компанией приятелей-студентов.

Студенту Сене это подходило, врачу-интерну не годилось. Недоедание, недосыпание, попойки не вязались с напряженным рабочим днем и периодическими ночными дежурствами.

Домом владела моложавая разведенка, у нее были две дочки-погодки пяти и четырех лет, старая мать, всегда сидевшая на табурете возле газовой плиты, и почти английский дог – сука по имени Альма.

Несколько лет тому назад разведенка выгнала мужа за пьянство и тогда же взяла щенка – дом охранять.

Со временем обида на мужчин притупилась, и она решила: пусть будет жилец – тем более доктор.

Комнатка оказалась теплой и светлой. В ней помещались кровать, книжная этажерка, небольшой стол и старое, с большим зеркалом, трюмо. В качестве шкафа Сеня привык использовать свои чемоданы.

Единственным недостатком было то, что на притолоке вместо двери висела занавеска.

В первое же воскресенье Сеня решил постирать. Он наполнил ведра из колонки, которая находилась на улице, согрел воду на плите и одолжил у хозяйки небольшое корыто. Не прошло и часа, как первая рубашка была выстирана.

– Ладно, – сказала хозяйка, – если наносишь воды, я и твое стираю. Чуть больше белья, чуть меньше – какая разница.

Вечером Сеня лег пораньше, чтобы полистать в кровати медицинский атлас дореволюционного издания, доставшийся ему по случаю и недорого.

В комнату вошла разведенка-хозяйка. Поскольку не было двери, то и стучаться было незачем.

– Что-то ты рано лег, – констатировала она факт и присела на край кровати.

На ней была байковая ночная рубашка до пят с застегнутым под самое горло на мелкие пуговички воротником. Несмотря на рубашку, она казалась вполне голой. Байка напряглась на больших и явно твердых сосках, обтянула бедро...

Кровать под ее весом закрипела. Женщина была ничего себе – из крупных.

– Что там у тебя? – она взяла в руки атлас. – Бабы голые и мужики...

Он объяснил.

– Мне утром на смену, – сказал он.

– Всем на смену, – сказала разведенка.

– Ко мне невеста приедет через неделю, дня на три. Ты не против? – спросил Сеня.

– Пускай, – согласилась хозяйка и махнула рукой, – какая разница...

Ночью Сеня проснулся – кто-то шумно дышал ему в ухо, а по щеке будто елозили мокрой тряпкой. У самого лица сверкали два налитых кровью глаза.

– Пошла вон, – сказал Сеня.

Сука Альма тяжело вздохнула и отступила.

Сеня дотянулся до трюмо и взял первое, что попало в руку, – большой флакон с одеколоном «Лаванда» для бритья.

Собака отступила еще немного.

Сеня пшикнул в нее из пульверизатора.

Альма выскочила вон.

Утром он проснулся от невыносимого запаха лаванды. Возле трюмо стояли хозяйские дочки, старшая поливала младшую Сениным одеколоном.

– Я парикмахер, – сообщила она.

В комнату вошла бабушка, а за ней хозяйка.

– Мама, ты опять заблудилась. Девочки, а вы что здесь делаете?

– Слушай, нельзя ли как-нибудь дверь поставить? – спросил Сеня.

– А где ее взять?

В тот же день, после работы, Сеня зашел на стройплощадку.

– Продайте дверь, мужики.

– Новых нету, но можно снять с нашего вагончика.

– Сколько?

– Трояк, вместе с замком.

– И с ключом, – уточнил Сеня.

С позиции сюрреализма

Лектор-любитель, пытаясь объять недозволенное, вяло критиковал Сальвадора Дали. Он демонстрировал дилетантские слайды и альбом, бережно обернутый в целлофан.

Молодые интеллектуалы, не оценив просветительской миссии, свистели, что-то выкрикивали и топали ногами.

Двухметровый детина лет восемнадцати-двадцати (косая сажень, кровь с молоком и так далее) с места произнес речь в защиту сюрреализма вообще и Дали в

частности: говорил о бесконтрольном воспроизведении подсознания, о сочетании реальных и ирреальных предметов, о виртуозной технике...

- Кто это? – спросил Бенчик, очарованно глядя на великана.
- Мясник с рынка, – ответил Сеня.
- Этот гад украл наш магнитофон, – сообщил Бенчик.

Вчера вечером, вернувшись домой, на чердак, Бенчик нашел его незапертым. А минут за пять до этого он встретил на улице вышеуказанного мясника-искусствоведа, тащившего под мышкой магнитофон, очень похожий на тот, что должен был бы стоять, но уже не стоял на деревянном табурете.

– Я могу с ним объясниться, – сказал Сеня, бывший чемпион небольшой области по дзюдо среди юниоров, – но эта горилла дружит с Рыжим. Пусть сами разбираются.

Спор о сюрреализме достиг температуры кипения и начал испаряться. Вышли на улицу.

– Здесь минус двенадцать, – объявил Бенчик, – а у нас еще лето. Я до ноября в море купался.

- Ты-то не мерзнешь, с такой жировой прослойкой, – сказал Сеня.

Рыжий пил воду из-под крана не отрываясь, большими глотками.

Зорик сидел за столом, обложенный тетрадами и атласами, и вид имел несчастный.

- Катя ширь принесла, а у меня курсовик, – пожаловался он.
- Брось учиться, – посоветовал Сеня, – чтобы найти вену, не обязательно быть врачом.

В одной из комнатшек шумно возились Катя и Лева. Их совместная жизнь заканчивалась вечером, после чего Катя возвращалась к родителям, которые Леву не признавали, несмотря на официальное свидетельство о браке, выданное молодой семье районным загсом.

– Он не мясник, а ученик мясника, – зачем-то объяснил Рыжий, выслушав доклад Бенчика об очередном заседании молодежного интеллектуального клуба. – Я из него магнитофон с потрохами выблюю.

Через день Рыжий вернулся с магнитофоном.

– Он говорит, что просто взял послушать. Пришел ко мне, а я спал, и дверь была не заперта. Вы же сами не велели закрываться, когда я сплю.

- Тебя не добудишься, – подтвердил Лева.

Рыжий сунул руку за пазуху и достал бутылку вермута.

- Кстати, магнитофон не работает, а это я взял в качестве компенсации.

– Ты бы лучше кусок мяса принес, – сказал Бенчик, – или, в самом деле, каких-нибудь порошков.

Праздник витаминов

На столе лежали огурец-переросток, десяток средней величины помидоров, пучок укропа, два пучка крупной редиски и связка молодого лука. Кроме того, в полулитровой банке белела неровной поверхностью деревенская сметана, купленная хотя не на рынке, но в кооперативном магазине под названием «Дары природы», – дар, который обошелся недешево.

- Сметану можно было не брать, – заявил Рыжий, – я предпочитаю с маслом.
- Хозяин – барин, – объяснил Сеня, – а хозяин здесь я.

Сеня, совершенно один, снимал шестиметровую комнату в частном деревянном доме. Рыжий, он же студент мединститута, посетил своего земляка и приятеля солнечным весенним утром в воскресенье.

– Жрать хочется, – сообщил он с порога.

Врач-интерн Сеня еще вчера получил зарплату в кожно-венерологическом диспансере, но потратиться по-человечески не успел, так как сразу же вышел «в ночь» – на дежурство.

– Весной нужно есть витамины, – сказал он, – но в это время года их можно достать только на рынке.

На всякий случай заглянули в овощной магазин, где увидели чудо: на прилавке лежали свежие огурцы.

– Парниковые, – разочаровался было Рыжий, – но пахнут...

Каждый огурец был размером с хорошую скалку.

– Возьми для своей малолетки, – предложил Сеня, – пусть попользуется.

– Пусть пользуется тем, что есть, – сказал Рыжий.

Купили самый большой.

Зашли в «Дары природы».

– Нам бы сметану, – попросил Сеня, – густую, чтоб ложка стояла.

– От этой все что угодно встанет, – пообещала продавщица. – Подфартило вам, мальчики.

Показали продавщице эротический огурец.

Конской колбасы и косульего мяса решили не брать.

Следующим и последним был рынок.

– Тут прилавков больше, чем продавцов, – сказал Сеня.

Пошли вдоль рядов, ориентируясь на самую большую кепку. Где-то там должны были находиться помидоры...

– Как ты теперь доживешь до аванса? – спросил Рыжий.

– Не хлебом *едимым*... – отвечал врач-интерн.

Овощи Сеня мыл и нарезал сам. Рыжему было доверено принести тазик с хозяйской кухни.

– Перчику не забудь, – говорил Рыжий.

Как всегда, подготовка к процессу еды оказалась интереснее и острее самого процесса. Ели ложками. Объялись за несколько минут, не проглотив и половины. Потом сидели отстраненно, думали – каждый о своем.

Кто-то давно уже скребся и поскуливал за дверью, запертой предусмотрительно на ключ изнутри. Открыли. В комнату ввалился среднего роста толстяк.

– Здравствуй, Бенчик, – сказал Сеня.

– Что это у вас? – простонал Бенчик, схватившись за ложку.

Бонжур, Афродита!

Из-за нелетной погоды он опоздал на неделю.

– Группа в колхозе, а ты поработаешь в общежитии, пока иностранные студенты не съехались, – распорядились в деканате.

– А нельзя ли там место получить? – закинул удочку Бенчик. – А то я уж который год квартиру снимаю...

– Не мы решаем, кого можно поселять с иностранцами, а кого нельзя, – ответил в деканате.

Ему пришлось обосноваться в столетнем деревянном доме на чердаке, разгороженном на комнатухи деловитым хозяином.

В общежитии Бенчик разыскал коменданта и получил наряд на работу в библиотеку. Перезрелая девушка (библиотечный стандарт) в немодных очках, рутинного цвета костюме и с клубком волос на затылке поручила ему сортировать книги по алфавиту.

В перерыве он пошел в столовую. Очередь состояла из иностранных студентов. Один из них разволновался, глядя на тефтели.

– Положите мне только гарнир, – попросил он по-французски.

Раздатчица не поняла. Бенчик понял и объяснил.

– Тут все свежее, – сказала она, – плохого у нас не бывает.

– Этот парень, наверное, мусульманин, – предположил Бенчик, – ему свинину нельзя.

– Бедненький, – посочувствовала раздатчица. – Что ж это их присылают, а денег на еду не дают? – и обильно полила мясной подливкой картофельное пюре.

Мусульманин обалдело уставился на тарелку.

После обеда Бенчик вернулся в библиотеку. Среди учебников и пособий он отыскал несколько сборников поэзии Серебряного века для англоговорящих, изучающих русский язык. К каждому стихотворению прилагался английский перевод. Авторы были такие, что Бенчик сразу бросился в атаку.

– Я хотел бы взять эту книжку, у вас там еще есть.

– Насовсем дать не могу, – сказала библиотекарь. – Возьмите, конечно, но верните когда-нибудь.

Она сняла очки и распустила волосы.

«Юная совсем, – удивился Бенчик, – красивая, как Афродита...»

– Я знаю наизусть триста стихотворений Пастернака, – похвалился он.

– Почитаешь мне после работы? – спросила Афродита.

В дверях замельтешил комендант, пропуская кого-то ответственного.

– Вы с ума сошли, – прошипел ответственный, – иностранца заставляете работать.

Загоревший за лето, отрастивший длинные кудри и одетый по южной моде в кирпичного цвета штаны, Бенчик в самом деле выглядел не по-местному.

– Больше не приходи, – шепнул ему комендант.

– А справка для деканата?

– Я подпишу.

Бенчик проводил Афродиту.

– ...Тупик, спускаясь, вел к реке...

– Холодно, – сказала она. – Зайдешь? Чай? Кофе? Бутерброд с колбасой или с сыром?

– ...Ты с ногами сидишь на тахте...

Бенчик задержался на некоторое время.

– ...Спи, царица Спарты,

Рано еще, сыро еще...

Мезальянс

– Что же им во мне не нравится?

- То, что мне в тебе нравится.
- Например?
- Например, нос.
- Чем больше у мужчины нос, тем больше у него...
- Что-то я не замечала.
- Где это ты не замечала?
- Вот дурак, я же все-таки медсестра.
- Нужно снять квартиру, – настаивал Лева. – Зорик все вечера в прихожей сидит, ты ему ширь таскаешь. Нарвешься...
- Не поймают, – отвечала Катя, – я не наглею.
- У меня денег нет передачи тебе носить.
- А говоришь, квартиру снимем. Выпил бы с моим папашей пару раз в какой-нибудь забегаловке, так ведь ты не пьешь.
- Я не пью? – удивился Лева.
- Ты как-то не так пьешь.
- В самом деле, пьем мы с ним по-разному, – согласился Лева.
- Что же делать?
- Уговори родителей позволить мне пожить у вас.
- Я их обязательно уговорю, – неуверенно пообещала Катя. – Временно и без прописки. А как только ты закончишь институт и получишь распределение – мы уедем.
- Им объясни, я-то сам все понимаю.

- Наверно, тебе нравится на чердаке, – сказала Катя. – Шлюшки всякие приходят и генерал-майорская дочь...
- Клянусь, я чист, как Бенчик, – поклялся Лева. – Просто жалко ее, совсем еще девчонка.
- Мне ее тоже жалко, но и себя жалко.
- А Бенчик то хамит, как в трамвае, то стихи ей читает. Кому он нужен, этот Пастернак...
- Узнаю – убью, – предупредила Катя. – Умрешь во сне от передозировки.
- Купи ребятам вермута, – попросил Лева. – Вечером Сеня приведет свою невесту показывать.
- Почему мы должны всех поить? Я не так уж много зарабатываю.
- А почему они должны слушать, как ты стонешь по вечерам за фанерой?
- Тебе не нравятся мои стоны?
- Нравятся, но могла бы и потише.
- Поттише не получается, – сказала Катя.

Черно-белое кино

В раннем детстве Зорик любил все фильмы подряд, но со временем понял, что хорошим является только цветное кино.

А сейчас его забирали в армию.

Вообще-то в армию его забирали уже два года, с тех пор как турнули из института, а заодно из комсомола, по причине, о которой сам Зорик вспоминать не желал.

В комсомол он вступил снова, на предприятии, где временно работал и постоянно, то есть ежедневно, а иногда и по нескольку раз в день раскладывал на тюках с новой спецодеждой неосвобожденного комсорга – кладовщицу Надю.

– Завтра веду «баранов» в райком комсомола, – сообщила как-то раз Надя, сползая с горы из ватников, – и тебя возьму заодно.

– Мне же скоро двадцать, – засомневался Зорик. – Спрашивать начнут: «Где раньше был? Что делал?»

– Все схвачено, – успокоила Надя, – везде свои ребята.

Вскоре комсомолец Зорик восстановился в мединституте за две тысячи километров от родного дома.

Тут и началось: в текстильном городишке ощущался недобор призывников – «подметали» всех.

Оказалось, что отсрочка от армии сохраняется лишь за теми, кто *перевелся* и, значит, не прерывал учебы, а он *восстановился*, то есть учебу прервал.

В первый призыв Зорика не заметили, второй стоил нервов и денег, а к третьему пришла в институт папка с его личным делом. Открыли – а там справка об отчислении из комсомола. Теперь-то Зорик безоговорочно подлежал призыву.

На занятия он уже не ходил – срочно сдавал «хвосты» за прошлый семестр: где коньяк подсовывал, где на жалость давил: забирают, мол, помогите завершить незаконченное высшее образование. А в свободное время ходил в кино. Смотрел все подряд. Фильмы отвлекали: полтора-два часа хорошей или плохой – главное, другой жизни. Но даже самые цветные фильмы выглядели черно-белыми.

Наступил день призыва. Последнюю неделю Зорик бурно отгулял; заодно со всеми попрощался и почти примирился с неизбежным.

– С медицинским образованием пристроюсь где-нибудь в санчасти, – храбрился он.

– Армии не знаешь, – предупреждала Любка, дочь генерал-майора авиации.

– Солдатики все несчастные, а в санчасти ты скурвишься...

Она брала его руку и засовывала к себе под юбку.

– Как ты там без этого?

Письмо пришло через три месяца: «Служу в санчасти, – сообщал Зорик, – к спирту пока еще не подпускают, но конопля растет за окном...»

Больше письма не приходили.

Одно из двух...

– ...или в психушку, или замуж, – рассказывала Катя. – Уговорили политрука-майора. Вдовец – одну уморил, но специально искали, чтоб умел гайки закручивать. Он согласился, потому что в Германию без жены нельзя, а главное – тесть генерал.

– Это из анекдота, – вспомнил Лева, – лучшие мужья – майоры: у них еще эрекция, но уже зарплата.

– Расписались – и сразу на самолет, – продолжала Катя. – А в Германии им банкет устроили по случаю прибытия и свадьбы. Там уж Любка отвязалась. Майор, с согласия папаша, быстро оформил бумаги, и теперь она в нашей больнице: уколы, таблетки – все как положено. Я заходила – говорит, что в психушке лучше, чем с офицерем.

– Сумасшедшая, – сказал Бенчик. – Хорошо, что у меня с ней ничего не было.

– Это у нее с тобой ничего не было, – уточнил Рыжий.

– Скоро женюсь, – сообщил Сеня (он работал врачом в райцентре, но иногда приезжал к приятелям на выходные). – Она сейчас учится на четвертом курсе – может, сумею получить открепление.

– А если не сумеешь, к себе возьмешь? – спросил Лева. – Это же не семья – ты там, а жена за две тысячи километров.

– Кончились декабристы. У нее квартира в центре, мама, папа, университет... Здесь одно из двух: или я, или не я...

– Муж неожиданно возвращается из командировки, – сострил Рыжий.

– Буду у Кати жить, – сообщил Лева, – она с родителями договорилась. Теща сказала: «Пусть живет, но чтоб я его не видела». Стану человеком-невидимкой. Кстати, хозяин велел передать: либо новых жильцов ищите, либо платите за всю квартиру.

– Это не квартира, а чердак, – возмутился Бенчик.

– Обязательно найдем, – сказал Рыжий, – пусть успокоится.

Это серьезно

– У меня шесть, – сказал Рыжий. – Нужно минимум двенадцать.

Лева, совершенно случайно зашедший в гости, вздохнул и дал рубль. Бенчик ненадолго скрылся в комнате и вынес трешку.

– Итак, – подбил Рыжий, – четыре на билет, потом автобус, метро... Остальное на представительство. Должен же я хоть раз расплатиться в кафе?

– А назад как же? – спросил Лева.

– Мира организует, – похвалился Рыжий.

– А ночевать?

– У нее, если не застукают. Знаешь, где она живет? В «Интуристе».

– Столько мороки ради двух дней, – прикинул Бенчик, – причем на содержании у девушки. Не пойму, гусар ты или альфонс?

– Это серьезно, – сказал Рыжий, – уже полтора года.

– С перерывами, – подсказал Лева.

Позавчера Рыжий получил телеграмму: Мира в столице, дальше адрес и телефон. Ехать он не мог, но сразу понял, что поедет, а сегодня в восемь утра уже стоял в телефонной будке возле гостиницы.

Номер не отвечал.

«Спит, наверное, – решил Рыжий, – позвоню через час».

Было холодно. Он позвонил через час.

Потом еще раз – через полчаса...

В полдень Рыжий полистал телефонную книжку и позвонил одной местной девочке, с которой когда-то познакомился в аэропорту в родном городе. Тогда погода была нелетной, но они совершенно случайно сумели прорваться на единственный улетевший в тот день самолет.

– Таня на занятиях, – ответил женский голос, – будет не раньше семи. А кто ее спрашивает?

Рыжий объяснил.

– ...Еще у меня ее кофта осталась. Случайно.

– Кофту я помню, – сказала женщина. – Позвоните вечером.

«Ну, девочки, кто раньше?» – подумал Рыжий.

Никакой кофты у него с собой не было, он даже не помнил, куда ее задевал, но это могло послужить опознавательным знаком для Тани – все-таки больше года прошло.

Часа через два, околавываясь возле входа в гостиницу, Рыжий наконец увидел Миру. Она тащила переполненную сумку.

– Тебе помочь? – спросил он.

– Я ездила в пригород, – объяснила Мира, – там хорошие магазины, многое удалось купить. Ты ешь, а то совсем худой... Собственно, все это можно достать и у нас, но хотелось вырваться, тебя повидать.

Они сидели в гостиничном ресторане.

– А если бы я не приехал? – спросил Рыжий.

– Я бы сама к тебе приехала. Хотя не знаю... Родители волнуются, каждый вечер звонят...

– Здорово, – сказал Рыжий утром. – Ты, я, «Интурист»...

– А я замуж выхожу, – сказала Мира. – Так уж получилось. У тебя учеба, потом интернат, распределение... Ты появляешься раз в четыре месяца, а я же не могу одна в театр, например, или в кино...

– Не провожай, – сказал Рыжий, – поезд только вечером, а у меня сессия начинается. И вообще, приличные студенты путешествуют автостопом.

Конечная остановка

Бенчик, Лева и Рыжий – студенты медицинского института – решили навестить своего приятеля Сеню, получившего диплом врача по кожно-венерическим заболеваниям и работающего теперь по распределению в районном центре – километрах в ста двадцати от города.

Собирались долго: дожидались денежного перевода от чых-либо родителей, праздников, сухой погоды, подходящего настроения...

И вдруг все сошлось.

Бенчик получил стипендию, а из дому – посылку с орехами, шоколадом и консервированной ветчиной иностранного производства.

Рыжий, отработав несколько вечеров и ночей на мясокомбинате, закупил местного «Советского шампанского» – вполне приличного в полусладком варианте.

Леве жена его Катя посоветовала убраться в праздничные дни куда-нибудь из города, а не шататься с утра до вечера по квартире, нервируя и без того нервных Катиных родителей, на что выделила несколько рублей, полулитровую бутылку лечебной настойки и трехлитровую бутылку маринованных огурцов.

Деньги и, главное, продукты временно заперли в чемодане, чтобы не провоцировать Бенчика.

– Лучший способ похудения – полное отсутствие жратвы, – сказал Рыжий, отъевшийся на мясокомбинате.

Бенчик протестовал до самого отъезда:

– Консервы испортятся, конфеты засохнут...

Бенчик протестовал в электричке:

– Не знаю, как вы, а я сегодня почти не завтракал.

Но в электричке выпили настойку и закусили бутербродами с жареной колбасой, выданными в последний момент на дорогу прозорливой Катей.

В напитке оказалось градусов шестьдесят, поэтому три часа в поезде пролетели как один.

Потом ехали автобусом. Спали урывками – сильно трясло. Проснулись на конечной от того, что трясти перестало. Рыжего, перетрудившегося на мясокомбинате, пришлось расталкивать.

Конечная остановка – нужный районный центр – широкая, кое-как заасфальтированная площадь. Справа – двухэтажное здание; на первом этаже все закрыто, на втором – столовая-ресторан. Напротив – еще одно двухэтажное здание с

обязательным бетонным бюстом у входа, один этаж каменный, другой деревянный. И по периметру площади – избы с вывесками «Хлеб», «Почтамт», «Продукты», «Книги», «Галантерея»...

Отыскали больницу – два домика и несколько длинных бараков, окруженных забором.

– Доктор тут живет, вон его машина, – показал старичок, встреченный у ворот. Обошли «пятерку» цвета «коррида», поднялись на крыльцо, постучали.

– Открыто, – услышали наконец Сенин голос.

– Тратить не на что и негде, а я еще гинеколог на полставки и на четверть ставки глазной, – рассказывал Сеня. – Тут их «четверка» интересуется – деревенский вездеход или «Нива», а выделили «пятерку» – на ней по этим дорогам не раскатаешься. Теперь вернусь домой на «Жигулях». Родители, конечно, помогли...

В двадцатиметровой комнате, кроме металлической кровати, табурета и большого деревянного стола, мебели не было. Были Сенины чемоданы, один открытый – вместо шкафа, другой со времени приезда он и не открывал. Три года нужно отработать по распределению, и год уже прошел.

Выяснилось, что нет хлеба, и еще чего-то недоставало. Пошли в магазин.

– Хлеб только для здешних, – сказала продавщица – и тут же смутилась, даже испугалась: – Ой! Извините, доктор, я вас не узнала.

– Я обычно в больнице ем – сюда не хожу, – объяснил Сеня испуг продавщицы.

– Это она ко мне придет еще со своей эрозией...

– Но почему же хлеб только местным? – спросил Бенчик. – А если я проездом и проголодался?

– Ездят тут всякие, скупают хлеб свиней кормить, извини за каламбур, – ответил Сеня.

– Но если я хочу кушать? – недоумевал Бенчик.

– Иди в ресторан.

В ресторане купили пива и водки. Буфетчица хотела обслужить доктора без очереди, и присутствующие не возражали, но Сеня отказался.

– Сейчас они трезвые, а вообще-то лучше не связываться, – объяснил он позже.

Пили, ели, говорили:

– Мы тут, сельская интеллигенция, на охоту ездим: я с главврачом, милиционер, пожарник... То на скорой, то на милицейской, то на пожарной, – рассказывал Сеня. – А вообще-то я всегда дежурю или подменяю кого-нибудь. У них семьи, огороды – а мне нужны отгулы. Два раза домой ездил. Может быть, через год получу открепление, главное – связи...

– Родичи у нее совсем взбесились, – жаловался Лева. – Я там ничего не ем и даже на кухне не показываюсь, занимаюсь в библиотеке, поздно прихожу, Катя открывает – я к ней в комнату, а утром выхожу, когда их уже нет...

Бенчик цитировал:

Я живу с твоей карточкой, с той, что хохочет,
У которой суставы в запястьях хрустят,
Той, что пальцы ломает и бросить не хочет,
У которой гостят и гостят и грустят...

– Это я поэт, – говорил Рыжий, – мною сочинено шесть тысяч четыреста семьдесят семь стихотворных строк. Хватило бы на два тома, но второй нужно

сжечь. Господи, помоги издать два тома моих стихов! Если позвонят из Нобелевского комитета – я в сортире.

- Не позвонят.
- Почему?
- Здесь нет телефона.
- А как же ты звонишь домой?
- С почтамта.

Отправились звонить домой.

- Люсенька, это для *нашего* доктора, – упрасивала трубку телефонистка.
  - Нет связи, – отвечала трубка.
  - Ну постарайся, для доктора и для меня...
- Переговорили.

- Я каждую ночь жене звоню, – сказал Сеня.
  - Понятно, – понял Лева.
- И Рыжий понял, и Бенчик тоже...

Утром Сеня повез их на станцию.

– Ездить некогда и некуда, – жаловался он. – Скоро жена будет рожать, тогда и поеду, заодно машину обкатаю. Две тысячи километров – то, что доктор прописал.

1999

ТРИО В СОСЕДНЕЙ КВАРТИРЕ

* * *

– Все же ты нахалка, дорогая Мали. В Праге мы, конечно, не учились, но умывальник от биде отличаем с тех пор, как эти невиданные штуковины завезли по ошибке на склад нашего предприятия вместо импортных унитазов... – Лир (сокращенное – от школьной клички Лирик) скороговоркой продолжил рассказ: – Просто раньше там жили какие-то лилипуты, и поэтому все выключатели, розетки и раковины расположены очень низко. Впрочем, для тебя в самый раз.

Мали (сокращение от школьного – Малютка) разозлилась именно так, как нравилось ему: серые большие глаза стали синими и пустыми – зрачки сузились, словно исчезли совсем, а маленький рот округлился и задрожал.

– Перестань издеваться, олух.

Разозлиться основания были, тем более что со школьных времен она подросла основательно и рост имела идеальный – 164 сантиметра (как у Венеры Милосской), если надевала туфли на одиннадцатисантиметровых каблуках.

– Лис идет, – сказала Мали. – Он тоже бестолочь, но хоть разговаривает по-человечески.

– Почему я вожусь с тобой с восьмого класса? – спросил Лир. – Почему не женился, не завел детей? Почему, наконец, моя мама...

Тут подошел Лис (школьное прозвище – из-за рыжих волос) и присел на скамейку, по левую от Мали руку.

– Где ты пропадала две недели, блудная дочь? – спросил он. – Что на сей раз поразило твое воображение – фортепьянное трио из начальной школы?

– Радуйтесь, – отвечала она, – ошиблась девушка. Но хоть кто-нибудь может поговорить со мной по-людски? И почему вы никогда не дарите мне цветов?

– Ты и без того разорешь наше гнездо – скоро мы все разлетимся в разные стороны.

– Ладно, проскочили, – попыталась унять его Мали.

– Я проповедую всепрощение, – не успокоился Лис, – и он всего лишь Лир, а не Иван Грозный, но по старинному обряду тебя следует посадить на кол.

– Насиделась, спасибо. И вообще, надо будет – сама удавлюсь.

Она перешла в наступление:

– Лир нашел квартиру, там все низенькое, даже унитаз. Если будешь писать мимо, оскоплю.

– И ни с чем останешься, – заметил Лис. – Кстати, скопцы тоже писают.

– Ну, «ни с чем» – это тихо сказано, – возмутился молчавший недолго Лир. – А Лису, собственно, все равно, не в смысле кастрации, а в смысле нашего унитаза. Он влюбился и скоро уйдет из семьи.

– Но почему? Почему я вожусь с вами с восьмого класса? – спросила Мали. – Ведь моя мама...

– Это не окончательно, – перебил ее Лис, – это временно. Через месяц меня бросят, и я вернусь. Так что треть за квартиру можете получить сейчас, и комнату мою прошу не занимать.

– Знаем, – хором сказали Мали и Лир.

– Ну конечно, – заканючил Лис, – рыжих никто не любит. «Ты, – говорят, – врун, неряха и нытик, или проваливай, или женись».

– А ты женись, – сказали Лир и Мали.

– И почему я вожусь с вами с восьмого класса? – спросил Лис. – Говорила же моя мама, что добром это не кончится.

– Это ничем не кончится, – заметила Мали, – и никогда.

– Тоже мне – ворон, – сказал Лир. – А тебе, нытик, и уходить не стоит. Нужно обустроить жилье: подкрасить, там, и тэ дэ, может быть, унитаз поменять. Что же нам – одним корячиться? А через месяц ты придешь на все готовое с бутылкой водки для меня и с шоколадкой для Мали...

– Обещаю торт и коньяк, – сказал Лис. – А не уйти нельзя. Сам же познакомил меня с этой поэтессой, а я всего-то и сказал, что она гений, – легче легкого, – на секунду он задумался. – Нет, никак нельзя упустить. И красавица к тому же...

– Правильно, – согласился Лир, – чем красивее поэтесса, тем лучше ее стихи. Эта же внешне потянет на способную, но с гениальностью ты перегнул.

– Важен результат, – сказал Лис.

– Что хорошего можно сказать о мужчинах вообще, если самые умные из них рядом сидят? – спросила Мали.

Четырехэтажный дом без лифта на шестнадцать квартир

Первый этаж.

Квартира № 1. На кого-то кричит женщина. Есть на кого. Двое детей и муж. Он по утрам долго заводит машину. Что-то с аккумулятором. Или с карбюратором. Мы в этом не разбираемся. Женщина кричит часто, у нее нервы.

Квартира № 2. Пахнет жареным – в прямом смысле. Дочь у них в армии. Возвращается голодная...

Квартира № 3. Лает собака. Стоит кому-либо пройти мимо двери – и собака заливается. Хозяйка собаки и квартиры недовольна, если кто-то поздно возвращается домой, то есть проходит мимо двери и тем самым вынуждает лаять собаку. Спать не дают.

Квартира № 4. Ремонт – ломают все. Потом начнут строить заново. Знакомая система. Сюда вселятся новые жильцы. Серьезные люди, судя по глобальности затеи.

Второй этаж.

Квартира № 5. Громкая музыка. Живущий здесь подросток иногда выставляет в окно динамики. Ему кажется, что нет ничего прекрасней именно этой музыки, и он спешит поделиться ею со всеми проживающими в округе.

Квартира № 6. Плачет ребенок. Неизвестно который. Детки-погодки. Мать разрывается между двумя. Одного берет – другой плачет. Берет другого... и так далее.

Квартира № 7. Гудит пылесос. Вариант не худший. Чаще дверь открыта настежь, и хозяйка убирает палубным способом. Воду гонит на лестничную клетку.

Квартира № 8. Забивают гвозди. Тут всегда что-нибудь чинят, мастерят... Кульки с продуктами все тащат по лестнице, а у этих подъемник прямо из окна, скорее из принципа, чем по необходимости: второй этаж – не так уж высоко.

Третий этаж.

Квартира № 9. Запах. Травят насекомых. Вся гадость вылезет на лестницу подышать. Нужно смотреть под ноги.

Квартира № 10. Старики живут. Глуховаты. Телевизор на полную мощность. Запах лекарств.

Квартира № 11. Любопытное место: ни звука, ни света, ни запаха. Либо очень уж тайный притон, либо там вообще никто не живет.

Квартира № 12. На кого-то кричит мужчина (в отличие от квартиры № 1). Потом он уйдет и вернется ночью. Будет звонить и стучать в дверь. Не сразу, но его впустят.

Четвертый (и последний) этаж.

Квартира № 13. Снова запах, теперь – нитрокраска. Не умолкая, звонит телефон. Что-то покрасили и ушли.

Квартира № 14. Здесь живет вдова – не старая и не молодая. У нее сын лет семнадцати-двадцати. К ней приходят двое мужчин (в разное время). Сын ежедневно приводит новую девушку. С лестницы ничего не слышно, но, имея капельку воображения, можно представить, что там творится.

Квартира № 15. Тут все ясно: кого-то изнасиловали и задушили, потом напечатали фальшивых купюр на полмиллиона, а сейчас играют в покер по-крупному.

Квартира № 16. Отпираем дверь.

Лир

Дед печатал мемуары на трофейном «Ундервуде» – пачка листов сантиметров пять толщиной. Где они? «Ундервуд» достался мне. Долго стоял в кладовке, в нем поселились жуки. Их вытряхнули в ванну вместе с кареткой, которая рассыпалась на сотню маленьких деталей. Нашелся мастер – собрал. Что еще?

Подумалось: пиши повесть, если есть тема для романа; пиши рассказ, если есть тема для повести; пиши стихотворение, если есть тема для рассказа; пиши роман, если есть тема для стихотворения.

Дача, зеленая поляна, старая перевернутая лодка, сидим под лодкой – свечку жжем.

Мужичок лет шести:

– Давай ты мне поцелуешь, а я тебе...

Пожимаю плечами. Чего ради я должен это целовать?

Помню, папа сделал стойку на руках на самом краю обрыва. Помню, долго ищу возле дачного домика камень, чтобы бросить в старшую сестру. Как ни странно, ничего подходящего.

Бегу по двору за взрослым соседским парнем, кричу ему: «Толик-нолик!». Не понимаю, почему он так зло на меня смотрит. За что меня не любить? Но это потом – мне уже пять лет.

Залезли в подвал под домом. Мальчишки и одна девчонка. Долго шли с фонариком вдоль обмотанных стекловатой труб. Остановились.

– Раздевайся.

Она руки к шароварам прижала. Постояли так недолго – и обратно пошли.

Лис

Врать можно по-разному. Не чувствуешь вины – без подготовки. Когда виноват, но не стыдно, – нужно разве что сориентироваться. Если стыдно и виноват, то готовься заранее, и все равно трудно будет. Лучше всего выдать версию, а потом ждать вопросов. Вопрос – ответ, вопрос – ответ...

Можно предупредить разговор:

– Не хочешь дурацких ответов – не задавай дурацких вопросов.

Можно отшутиться:

– Здравсте. У тебя рот в зубной пасте...

Можно рассказать историю. Например:

– Захожу сегодня в банк, а за мной старичок. «Там еще деньги остались?» – шутит. – «Ваши, может быть, и остались, а моих больше нет», – шучу, хотя какие уж тут шутки...

Или другую:

– Помнишь Арлекинера? Рыжий, как я, но с улыбкой до ушей и вечно в клетчатом пиджаке... Бросил работу, жену, детей, престарелых родителей, собаку, канарейку, подводное плаванье – и уехал в Канаду. О чем люди думают? Что они о себе воображают?

Можно спровоцировать маленький скандал, во избежание большого:

– Лучше и не говори.

– Я и не говорю.

– Нет, ты говоришь.

– Нет, не говорю.

– Ты только говоришь, что не говоришь, а сама говоришь.

– Я не говорю, что не говорю, – я не говорю.

– Ну и не говори...

Можно молча войти, сесть, съесть то, что есть, и – спать... Но это мечты – ничего не выйдет.

Мали

Меня украли – все засуетились. Бегали по столице, будто перцу им насыпали. Я их видела дважды: из автомобиля и в ресторане – когда они в окна заглядывали, а меня не заметили.

То-то теперь хренов Лис никуда не опаздывает, а тогда опоздал. Я ждала в купе – скорый тронулся, так и поехала в столицу, барахло для свадьбы закупать, без жениха и без денег. А в купе пацан-малолетка, весь в джинсе, жалуется, что СВ не достал, а в столице ему билеты на дом приносят. Разговорились: я в смяте-

нии – рассказала про свадьбу через две недели, про жениха, к поезду не пришедшего.

Как только доехали, вещи мои схватил: «Пошли, – говорит, – у мамы денег возьмем – я-то поистратился, билет обратный купим, а должок, как вернешься, переводом вышлешь». Ночь была. Поймали такси. В квартиру привез теплую, благоустроенную. «Тут, – говорит, – поживешь, еда в холодильнике». Сумку забрал с документами и растворился – я рта раскрыть не успела. Дверь двойная – заперта, на окнах решетки, телефона нет. Вспомнила Людмилу: «...подумала и стала кушать...». А он вернулся – с цветами, разделся догола без разговоров, красивый сопляк – сплошные мышцы, кофту на мне порвал, я подергалась, как могла, и сдалась.

Он приходил (всегда с букетом) каждый вечер – один, честное слово, – когда темнело, и почти не разговаривал. Я привыкла, даже ждала: ни одной книги в квартире, ни телевизора, ни радио, ни магнитофона – вообще никакой музыки. Потом мы одевались и выходили из дому. Возле подъезда стояла машина, в ней еще двое. Ехали в ресторан: ужинали, танцевали... Я там напилась несколько раз от безысходности – до беспамятства...

Они предупредили, чтоб не рыпалась. Я и сама понимала – любой бы понял.

Через две недели отвезли меня на вокзал, посадили в скорый, за секунду до отправления. Вагон СВ, в купе полно цветов и коробка со свадебным платьем – американским.

Вечер

...Города не видно. Туман как будто разевает пасть и сипит: «Всех съем». В голову приходит мысль: выпить водки и заснуть. Но сначала нужно добраться...

«Кто страдает непривычкой просыпаться с первой птичкой?» Я страдаю лет этак тридцать, а возможно, и больше, потому что помню себя с трехлетнего прилнительно возраста.

В тумане образовалась – чернокожая... В зябком варианте: голые ноги, живот – а ведь холодно. Чаще они как швабры, но эта плотная. Возмудился, то есть возбудился. Это для адреналина... Даже простенький триппер может разрушить семью.

Вжжжик! Тормоза...

Что же он не смотрит, при такой погоде? Ну конечно, по телефону разговаривает, будто у него у одного телефон.

Рядом сидит девушка – испугалась. Чуть не доездились... На что ей такое чучело? Синица в небе – хрен в руках?

Вдули бы гаденышу крупный штраф в мелкое его самолюбие.

Сколько еще светофоров? Три. Поворотов? Два.

...дура на «Субару»...

Почему им можно, а мне нельзя? Или мне тоже можно? Нарру end – это когда все умерли, а главный герой остался жив.

Приехали...

* * *

– Будь ты мышкой, я бы знал, где поставить мышеловку.

– Где?

Мали сидела на кухне, ноги положив на плиту. Дверца духовки была приоткрыта, электрическая спираль накалена.

– Скучаешь? – спросил Лир.

- А что, мастурбировать?
- В самом деле холодно, – сказал Лир, – надо бы купить обогреватель.
- Ты когда чихаешь, закрываешь глаза? – спросила Мали.
- Закрываю.
- А когда за рулем?
- Все равно закрываю.
- Но это же опасно?
- Все закрывают, – сказал Лир. – Они ведь сами закрываются.
- Где-то Лис шастает, – вслух подумала Мали, – мерзнет, наверное. А мы тут с тобою вдвоем...
- Мало тебе?
- Отстань, достаточно.
- Вдвоем, и никаких очередей! – произнес Лир. – А за него не волнуйся, он в хороших руках: в мягких и нежных. И кондиционер там мощностью в сотни три баб работает на отопление.
- Тоже там побывал? Ведь побывал, верно?
- Проездом, видит Бог, проездом.
- Кое-кто везде проездом, – сказала Мали.
- Сами так решили... – Он обиделся, как всегда. – Я ведь даже не знал. Вы с мамашею твоей концы нашли и расплатились. Другие мужики хоть расходы несут, а некоторые женятся – сам таких видел. Я ведь знаю, как оно делается: раскрывают это чем-то вроде вытянутых щипцов, всовывают что-то вроде заточенной ложки и скребут на слух, до прекращения характерного звука.
- Ты-то откуда знаешь?
- В книжке прочитал у знакомого гинеколога.
- Столько времени прошло, – говорит она, как всегда. – Да и какой бы был из тебя муж в семнадцать-то лет?
- Да не хуже, чем из рыжего в восемнадцать.

Лис и Лир

Они ходили напуганные: вторая сессия – готовность аховая, а тут еще у нее проблема. Вскоре Лир говорит: «Обошлось, это бывает», – он мне кое-что тогда рассказывал.

Потом бросились меня спасать. Я как чувствовал: надо когти рвать – очередь подходит, а девчонка моя тронулась: таблетки проглотила, на подоконник вылезла... Я ее держу, Мали успокаивает, Лир за неотложкой побежал. Через две недели вернулась – даже не здороваются, на руках синяки от укусов.

Мы за это время сессию сдали, практику проходим на природе.

Вижу – и у них не все в порядке. Она в унынии, он вроде обижен, а сам чуть не скачет от радости. Там и раньше-то друг от друга больше было секретов, чем от меня. Я же палочка-выручалочка, иногда в прямом смысле. Это Лир гордый – потому и зубы вставные. Я с восьмого класса ее люблю. А Лир – он, конечно, друг, но мышей не ловит. Это мыши его ловят. Из-за стихов, наверное. А мои стихи покруче, только я их никуда не сую. Говорили ему: осторожней с юмором и сатирой! Он тогда нагрузку получил – председатель школьной редколлегии, – худенький долговязый восьмиклассник. Выпустил первый номер, а наутро в школу не пришел. Дня через два появляется – вместо зубов одни корешки торчат. Всем смотреть страшно – глаза отводят, только она подошла, взяла за руку. Так они стояли: он, бледный, глаза пустые, щеки, как у старика, запавшие, и Малютка рядом. Кто-то и говорит: «Король Лир».

Я, когда ее рядом с ним увидел, тоже подошел. А то, что Лир – от слова «лирик», сам же Лир потом и придумал.

Мали

Деньги у него всегда водились: и от родителей, и так знал, где достать. А Лир уехал на два месяца – подзаработать: мужчина.

Это как хотите – тоска, депрессия, меланхолия, хандра, – только Лис говорит: «Поехали в столицу, там выставки, спектакли, магазины. Тетка на курорте, квартира пустует зря. Мы же друзья, правда? Столько лет неразлейвода...». С ним всегда хорошо – никаких проблем до поры до времени. Девки его любят, отпускать не хотят, травятся даже. Но как удержишь Лиса? Правда, места он занимает много и не чистюля: нестиранное тряпье, использованные бритвы, невытая посуда – все за ним нужно подбирать.

Провели мы там неделю. Он меня прямо загнал: ни минуты свободной – все пересмотрели, везде побывали. Ночью возвращаемся – спим раздельно. Я выключаю сразу, а он не спит; я-то знаю – он меня с восьмого класса любит.

А вернулись – говорит: «Давай поженимся. В сентябре, когда все съедутся, закажем свадьбу». Мама – мне: «Так оно и должно было случиться. Он тебе нравится?».

Лир приехал – я ему: «Все. Да и раньше было ясно». А он: «Знай, что у меня никогда никого больше не будет».

Я уже у Лиса жила – там квартира огромная, да и чего тянуть, только за две недели до свадьбы ушла – чтобы замуж из дому, что ли... Мы как раз опять в столицу собрались, за приданым. А он на поезд опоздал.

Я, как только вернулась, с вокзала ему позвонила и почти все рассказала. Он приехал за мной – без цветов. Свадьбу уже отменили: думали, вовремя не появлюсь. «Ладно, – говорит, – еще отпразднуем, а пока проживем как жили. Ведь не к спеху?» Чувствую, что-то не так: «Нет уж, я домой пойду».

Мама говорит: «Этот клин нужно вышибить – срочно». И пошла хлопотать, связи у нее еще с институтских времен, и в октябре я уехала в Прагу, по обмену студентами. Даже язык не учила толком, так все похоже, – курсы без отрыва от основных занятий. А вернулась через три года. То есть приезжала на каникулы, но ни с кем не виделась, и маму просила никому не говорить.

Лир и Лис

Не потому он Лис, что рыжий (ведь рыжих так и называют – Рыжий), а потому, что хитрый. Исчезновения эти и появления, вопли о помощи – все напоказ. Я ухожу тихо и прихожу тихо, а пропаду совсем – никто не заметит.

Когда она приезжала домой на каникулы, мы встречались – и от Лиса прятались.

Мали мне рассказала про юного мафиози, но это смахивало на легенду, в которую поверил сам резидент. Слишком искренне, слишком подробно... Как все произошло и сколько их там было? Она умеет соглашаться сама с собой.

Лис потом покрутился на кафедре, лично откопал и протаскил какой-то проект, чтобы в Прагу съездить в составе группы преподавателей и студентов. Это было незадолго до окончательного возвращения Мали. И вернулась она не ко мне, не к нему – к нам обоим.

Люди мы самостоятельные, с образованием, ежедневно ходим на службу, а в свободные часы реализуем, по возможности, творческие свои амбиции. Время

сторожей, истопников, дворников и вообще богемы прошло, можно одеваться и питаться нормально и творить при этом успешно. Да и прощать можно друг другу многое, тем более что столько пережито за пятнадцать лет совместной нашей жизни.

* * *

– Она извращенка! Непрерывно ест яблоки. Все мои пепельницы забиты яблочной кожурой.

– Это еще ничего, – успокоил Лира Лис. – Знал бы ты, что вытворяла моя поэтесса, когда я сказал, что формально женат и жена не дает развода.

– А то я не знаю? – риторически спросил Лир.

– Сами вы извращенцы, и лгуны к тому же, – сказала Мали.

– Это верно, – согласились Лис и Лир.

– Как вам нравится квартира? – спросил Лис.

– Очень удобно. Можно мыть посуду сидя и выключать свет ногой, – сообщила Мали. – Кстати, и я могу выйти замуж, и не только формально.

– А на ком ты будешь оттачивать свое остроумие?

– Есть хотите? – спросила Мали.

– Нет, – ответили Лир и Лис.

– Если не вы, то кто же? – спросила Мали.

Лис, как фокусник, вытащил ниоткуда бутылку водки и шоколадку. Он опасливо посмотрел по сторонам, но про обещанные торт и коньяк никто не вспомнил.

– Где мой стограммовый стаканчик? – спросил Лир.

– В нем луковица прорастает – это ботанический опыт.

– Дожили! Водки для здоровья выпить не из чего.

После ужина слушали музыку в исполнении фортепьянного трио, а затем поиграли в двестишья:

– В государстве Атлантида...

– Люди вымерли от СПИДа.

– Почему еврей курнос?..

– Потому что он Христос.

– Потому что альбинос, – выдал Лир свою строчку, но согласился, что у Лиса лучше.

– Закусывайте антифриз... – предложил Лис.

– Ирисками «Кис-кис», – предположила Мали.

– Цветы для женщины... – коснулась она большой темы.

– Что сено для коровы, – прозвучал вариант.

– Не люблю верлибры, – сказала Мали.

2000